

А.И. Лучанкин,
доцент.

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

ПРЕЦЕДЕНТ СОЗДАН

(конфликтологические этюды по поводу 14 апреля)

"Конфликт — способ экстремальной обратной связи от управляемых к управляющим". (Н.Винер, отец кибернетики)

"Конфликт — способ решения проблем, перевод самоочевидного в проективное и виртуальное". (Из разговоров конфликтологов)

"Возникает ощущение легкого безумия. Если ничего не случилось, откуда такой несусветный ажиотаж?.. Вспомните, кто из наших госмузей и когда интересовался проблемами молодежи?.. Самая реальная версия случившегося: уральские студенты волей-неволей ввязались в сложную политическую игру, все участники которой — президент, правительство, оппозиция — стараются выглядеть пламенными защитниками народных интересов. Хотя бы на период ожесточенного торга за министерские портфели" (А.Королев — Моск.комс., 16.04.)

"Вот и мы дожили до убийственной формулировки "студенческие волнения". (Г.Каковкин. — Известия, 16.04.)

"Все члены комиссии пришли к выводу, что основную ответственность за прошедший инцидент должны понести и люди, задумавшие концепцию реформирования высшей школы, которая так взбудоражила студентов. Депутаты отметили неудачный выбор места проведения митинга и недостатки в его организации. Так, не были намечены пути отхода студенческих колонн." (ЕАН. — Вечерний Екатеринбург; На смену! — 21.04.)

"Есть такое народное выражение: "вешать собак". Не в том смысле, что душить разномастных шариков и жучек. Нет, "вешать собак" — это

Общество таково, как оно представляется, воображается его агентами. Различие идей, убеждений, верований и образцов достойной человека жизни — условие всяческой напряженности и борьбы между людьми за ресурсы ("капиталы") — политические, экономические, социальные, символические. Словом, конфликты на всех уровнях общественной жизни также неизбежны, как неизбежен приход весны и лета, как неизбежны русские вопросы: что делать и кто виноват?

Понять конфликт, будучи объективным наблюдателем, не просто: здесь проживание (и переживание), сама позиция участника или наблюдателя может стать постконфликтной, реанимируя вроде бы поутихшие страсти. Поэтому принципиально важна конфликтная лексика, те существительные, глаголы и прилагательные, которые применяются наблюдателем (претендующим на анализ) для описания события, случившегося на Октябрьской площади 14 апреля.

Кто виноват?

Термин "ввязались", легко напрашивающийся для объяснения поведения студентов у Белого дома, молчаливо намекает на лексический ряд = "повязать, связать, развязать (конфликт), увязать-увязнуть", что неплохо обозначает позицию наблюдателя. Москва, существующая в представлениях политизированных екатеринбуржцев как расклад сил "президент-правительство, Дума и оппозиция", никак телесно в инциденте у Белого дома не присутствовала. Основной опрос, звучащий риторически в прессе до 20.04., формулировался адресно: "Кто дал команду применять спецсредства?" Адресат не нашелся, поскольку власть по природе анонимна и одинока, воплощая ответственность в фигурах, ролях, позициях, но не в личностях и людях (извинения, оговорки и отставки "государевых людей" задевают опять же чьи-то личные судьбы, но не структуру и практикуемую ей тактику реформирования высшего образования). Виновата власть и она же невинна, поскольку "увязла" и "повязана". Сопоставим два высказывания =

— "студенческие волнения произошли из-за "злобства" Москвы, считает губернатор Россель" (В.Белимов, — Комсомольская правда, 18.04.);

— "а власть пугливо пряталась за бетонными стенами. Ректора вузов должны были быть вместе со своими воспитанниками. А они оказались в стороне от событий. На заседании президиума правительства их спросили: "Кто доводит нашу молодежь до баррикад? —

когда после общей беды ищут виноватого, лучше абстрактного, без имени, и на него всех собак, то есть грехи и вину, вешают... Виноваты те, кто вызвал ОМОН, который был в сущности не нужен, и отдал приказ о "вытеснении". Конкретно в первую очередь вина лежит на областных органах власти, не пожелавших своевременно пообщаться со студенчеством у Дворца молодежи, и вторую очередь — на руководстве ГУВД Свердловской области. В число ошибок также попала плохая организация всей акции и отсутствие на ней профессорско-преподавательского состава" (М.Павлов. — На смену! — 21.04.)

Констатация первая: областная власть оказалась непрезентативной. В представлениях студенчества сплелись два ее символа — фигура губернатора и ОМОН.

"Экстренное заседание правительства области... напоминало школьный педсовет, на который как набедрокующих детей, вызвали в воспитательных целях ректоров вузов." (Т.Пахомова. — Вечерний Екатеринбург, 18.04.)

"Профсоюзы и сами студенты высказывают мысль о провокации". (ЕАН. Известия, 17.04.)

"Во-первых, митинг был плохо организован — к участникам акции "примазались" так называемые неформальные молодежные объединения анархистов и баркашовцев... Они-то, видимо, и спровоцировали беспорядок. К сожалению, сотрудники милиции их пока не нашли... Во-вторых, по мнению членов президиума, виноваты и преподаватели, которые не помогли "детям" организовать акцию протеста, плохо их воспитывают, да к тому же, как выразился один из чиновников, "допустили обнародование среди студентов федерального проекта реформы образования... Милицию подставили. Молодежь столкнули с правоохранительными органами"... Прецедент создан. Молодежи апрельское "раз-

Ответ был= "Это не мы, это — Правительство реформ." То есть — это опять — Москва". (А.Владыкин-Российская газета, 18.04.)

Областная власть, увязнувшая в конфликтах-социодрамах как с Москвой, так и с городом (противостояние "Россель-Чернецкий"), занятая решением глобальных политических вопросов, прагматически безусловно ценных для региона и его будущего, оказалась в глазах студенчества редуцированной до губернаторской фигуры. Человеческое и социальное будущее региона — студенчество — в своем большинстве не связало власть с фигурами Т.Мерзляковой, А.Гайды, С.Колмыкова, В.Краева, Э.Войцицкого, В.Вишневского. Они студентам до того не представлялись, с властью не "связывались" (в студенческих представлениях о власти) и были не популярны. Массовые зрелища представительны, если привязаны к известному и популярному, зримому и знакомому. В ином случае зрелище драматизируется до конфликта, управлять которым можно лишь такой же анонимной силой как и толпа.

Простое "выйти к народу, так как меня знают и поймут" неоднократно превращало деструктивный конфликт в конструктивный. Если только народ не безмолвствовал...

Апелляция к московскому правительству, к чиновникам-реформаторам, к амбициям федерального центра уместна в борьбе за политический и экономический ресурсы-капиталы, но не за социальный и символический, в которых власть представляется заботой-попечительством и должностями известных персон. Соответственно, борьба за зрелищность-представительность есть борьба за присутствие на-и в представлениях (знакомость, известность, популярность; особенно через телевизионную оптику).

Воспитание воспитателей

Газеты вплоть до 20-х чисел пестрели отзывами официальных представителей и комментариями на эти отзывы, где вполне серьезно говорилось об "упущениях в работе в руководителями, лидерами студенческого движения" и где фактически утверждалось существование такого "движения".

Дело не в реальности и масштабности явления, а в "пиротехнике" конфликтов, когда благодаря газетам и журналам в социальных представлениях больших масс людей, по-старинке читающих газеты и журналы с доверием и жадой новых сведений, начинают существовать самые странные вещи. Например, "коммунизм", "новые русские", "соборность", "средний класс", "реформа образования" — это представления (слова), под который каждый из нас волен представлять что-либо свое. Однако, называя, мы взываем к существованию, а принимая властно-политические решения из-за слов, оказываемся в неизбежном конфликте с теми людьми, кто "неверно" подставляет и представляет.

влечение", судя по всему, понравилось." (Э.Бидилеева. — Областная газета, 18.04.)

Констатация вторая — борьба власти и оппозиции за молодых как политическую силу — это борьба за их (студентов) представления о себе, реализуемая устными и письменными словами. Называя, мы вызываем к существованию, поэтому публикация студенческих проблем — способ управления конфликтами. Одновременно это и способ борьбы за "правильные" представления о настоящем (значит, за представления о прошлом и будущем).

"Стали ли профсоюзы реальной политической силой?" (из обывательских разговоров).

"Вчера Госдума приняла обращение к президенту, в котором выразила крайнюю озабоченность низким социальным уровнем студентов" (Е.Григорьева — Незав.газета, 17.04)

"Беспорядки, которые попытались учинить так называемые студенты, будут пресекаться самым жестким образом. Мы не потерпим, чтобы, извините, семнадцатилетние щенки устраивали в городе беспредел!" (Из беседы с С.А. Колмаковым. — На смену! — 16.04).

"Наше областное правительство не могло не быть в курсе событий; члены правительства, ответственные за отрасль, сами принимали участие в обсуждении концепции при приезде в город вице-преьера О.Сысуева. Тем наивнее звучали вопросы областного руководства, откуда студенты, эти "наши дети", узнали о том, что неизвестно, мол, самим "отцам". Кто вложил им "в головы"? — вопрошала профессор Г.Ковалева, не произнося лишь слова "ересь". (Т.Пахомова. — Веч. — Екатеринбург, 18.04.).

"Любая реформа — конфликт по определению" (банальная аксиома).

Одни здесь становятся воспитателями, другие — воспитуемыми (и перевоспитуемыми). Причем наглядно и предметно: существование такой, например, престранной вещи, как "целостность державы" имеет следствием конфликт. Во имя представления о целостности и державности, а не только из-за денег, люди до сих пор убивают друг друга. Вот почему приписывание студенчеству статуса "движения" — занятие пиротехническое и лучше обобщить организационно-техническую сторону вопроса, используя нейтральную лексику (бессубъективную, но глагольную). Предварительные итоги работы комиссии под руководством заместителя министра внутренних сил России В.Федорова, судя по газетным публикациям, таковы:

— руководство (области, города, вузов, МВД) не прогнозировало "катастрофные варианты";

— руководство (видимо, областное и городское) упустило работу с лидерами (видимо, формальными и неформальными) студенческого "движения" (шестивие и колонна превращаются в политическое "движение");

— никто не вышел (в начале митинга и в его завершение) к студентам (хотя этот, "кто-то", помимо Росселя или Чернецкого, вряд ли смог бы представлять власть);

— организаторы митинга не управились с массой (как будто у них был опыт управления);

— к студенчеству "примазались" не найденные провокаторы, столкнувшие молодых с молодыми (в лице милиции и ОМОНА);

— вузовские преподаватели не организовали, не участвовали (в большом количестве) и не запретили (допустили) распространение взрывоопасной информации о проекте реформы высшей школы.

Типичность, репертуарная анонимность и сослагательность, усиленная частицей "не", очевидная "читателю" технологичность итоговых сообщений и т.п. проблематизирует "читателя" как адресат. Кто является адресатом такого рода сообщений? Видимо, некие "воспитатели", располагающие не полным набором социальных технологий, воспитательных методов и процедур. Словом, большие воспитатели воспитывают воспитателей рангом пониже, исходя из молчаливой презумпции взаимопонимания и поровну разделенной ответственности. При этом проблема, способом решения которой был конфликт, выносится за скобки, "как бы" переставая существовать.

Post hoc, propter hoc?

"После этого, значит, по причине этого", — таков перевод с латинского. Работа комиссии, отставки, поиски и нахождения виновных после события, тактики переключения внимания желающих понять причины конфликта — все это из данной серии. Во-первых, бессубъектные и воспитательно-технологические репертуары низводят событие до элементарных процедур — что делать и как, упаковывая возможности версий,

“Чиновники министерства не знают об элементарных условиях жизни студентов. Спрашивается, как же они разрабатывают концепцию реформирования высшей школы, откуда берут цифры?.. Все выступления студентов мгновенно поддерживает оппозиция. “Меня толкают к коммунистам, я этого не хочу, но что делать, если так складывается ситуация,” — с горечью сказал мне некогда отчаянный демократ и сторонник Ельцина преподаватель математики”. (В.Молодцова. — Росс. газета, 18.04.)

Констатация третья: реформа становится социодрамой, если ничего не меняя в структуре ресурсов, перераспределяет доступ к ним элит (контрэлит). Тем самым запускаются механизмы биографической проблематизации “всех остальных”; например, проблематизируются представления студенчества о достойном будущем.

“Чего ожидали от студентов власти, собрав у екатеринбургского Белого дома столько боевой силы?” (В.Чемезова. — Уральск. раб., — 16.04.)

“Хулиганы разбежались при первом же движении ОМОНа” (А.Джапахов — Труд, 17-23.04.)

“По эмоции, радостному настрою и веселью это была Первомайская демонстрация прошлых лет” (Из рассказов очевидцев).

Констатация четвертая: событие 14 апреля вновь обострило вопрос об идеологии реформ в целом; конфликт “прагматиков” и “социалов” — это конфликт двух различных стратегий (на всех уровнях власти и независимо от партийной и клановой принадлежности).

“Когда г-н Ж., будучи лидером партии, берет деньги, — он политик, использующий политический капитал для приращения экономического. Когда он защищает докторскую диссертацию, он обретает сим-

интерпретаций, размышлений в общий пакет “неготовности” всех действующих персонажей социодрамы. Готовиться надо и все тут! Во-вторых, анонимно-деловая лексика этих репертуаров напрямую эксплуатирует русско-советский стереотип барина, начальника, кассы, парткома, т.е. “Отца”, поскольку подразумевается Тот, Кто все рассудит по справедливости (или сам уйдет в отставку). В-третьих, итоговые сообщения грубо смешивают причины связи с последовательностью событий и “разборки” во времени: отставки и наказания представляются как устранения причин конфликта.

Во все времена разрушение системы образования сопровождалось социальными и культурными катастрофами. Образование — консервативнейшее ядро общества, обеспечивающее воспроизводство культуры, идентичность нации во времени. Именно консервативность сферы образования — залог культурной преемственности даже в эпоху реформ.

Сама по себе информация о реформе высшего образования “ничья” и всем принадлежит по праву. Она явилась лишь поверхностным поводом для митинга, но не его причиной. Не она причина биографической проблематизации студенчества, их проектов и представлений о достойном человеке будущем, а все то же жалкое и нищенское сегодняшнее существование. Студенческий “соционевроз” включает в себя:

— хроническое безденежье, переживаемое в крайностях “есть деньги-хорошо, нет-тоже плохо” и до острого чувства собственной неполноценности;

— страх перед возможностью (у юношей) службы в армии;

— ощущение временности, непостоянства и нестабильности: “острова порядка”, которые имеются у них в виде семейной поддержки, твердого заработка или определенности с будущим местом работы, становятся сверхценными (страх потерять);

— переконцентрацию на “здесь-и-теперь”, особенно у той части студенчества, которое биографически лишено “островов порядка” (девиации во всех формах).

В доперестроечные годы студенческие строительные отряды и “шабашки” худо-бедно решали проблемы выживания, не говоря уже о “покупательной силе” повышенной стипендии. Отсутствие стабильного сезонного рынка студенческой рабочей силы (“прилично заработать вместе, со своими”) поневоле ставит студентов в ситуацию ускоренного взросления, поисков индивидуальных сценариев выживания. Такая “индивидуализация” трудно совмещается с физиологией и психологией возраста, с особенностями менталитета молодых, потребностью быть вместе, в одной “тусовке”.

Социализация

Различие в стратегиях управления — это различие представлений о ресурсах. “Прагматики” ориентируются на образы успеха, связанные с политическим и экономическим капиталами (ресурсы очевидны = законы-исполнение-средства; предприимчивость-воз-

волический капитал (звание, степень, должность, признание). Когда он празднует день рождения, завязывая новые знакомства и связи, обеспечивая встречи нужных ему людей, тогда он наращивает свой социальный капитал" (из лекции по социологии политики Пьера Бурдьё)

"Студенты считают неправильной позицию властей, когда к любой части населения относятся как к электорату. Если студенты малоактивны в голосовании, то это не значит, что на них не следует обращать внимания" (С.Добрынина. — Незав.газета, 16.04.)

"Социализация студентов может пойти очень быстро. Всероссийская акция протеста — это цветочки. Наши студенты молчали последние годы, но до волнений типа корейских осталось недолго" (Б.Митин, ректор МГТУ. — Известия, 16.04.)

Констатация пятая: студенческие конкурсы, фестивали, тусовки, шествия и демонстрации — не самоцель, а естественная и необходимая форма социализации молодых.

"На протяжении всей как советской, так и постсоветской истории России студенты были едва ли не самой социально пассивной и аполитической частью населения. Радиализация их настроений после случившегося, несомненно, усилится" (А.Желенин. — Незав.газета, 16.04.).

Констатация шестая: событие 14 апреля — историческое и требует к себе серьезного отношения.

"Только бы за гулом извинений и обвинений не забыли бы о главном, из-за чего весь сыр-бор вышел — о проблемах образования" (М.Порошина. — Уральский рабочий, 18.04.).

"Будущее — за вузами, которые сами зарабатывают себе на жизнь" (С.Байгильдина, проректор Татарского института содействия бизнесу. — Трибуна, 17.04.).

награждения-личная экономическая независимость). "Социалы", напротив, служение "общему делу" считают приоритетным, ориентируясь на социальный и символический капиталы, считаясь с особенностями "русского" менталитета (ресурсы общественного мнения, духовных традиций, авторитетов, ориентация на обездоленных и социально не защищенных). "Прагматики" во главу угла ставят результаты, успехи, достижения, "социалы" — сложившиеся практики, традиции и интересы "маленького человека".

Очевидно, что прагматическая ориентация правительства Росселя победила социальную, хотя сам он лично сформировал о себе мнение социально-ориентированного политика (по двум, а то и трем каналам TV часто показывают его в школах, приютах, вузах, птицефабриках и т.д.). Его-то студенчество и хотело видеть 14-го апреля, поскольку рассчитывало на привычный образ "преподавателя", способного поддержать и оформить их собственные интересы. Последнее принципиально: особенности студенческого возраста таковы, что сами студенты не могут выразить свои политические интересы. Они — "другие", они заняты другим, они живут... Их так называемая "политика" — это всегда реакция на произвол (Франция и Корея). Их участие во "взрослых играх" спонтанно, непредсказуемо и проходит по реактивному сценарию. Поэтому надежда некоторых профсоюзных лидеров на создание "студенческого движения" по типу партии — это проекция стереотипов "взрослого поведения" на молодых; или же здесь налицо иллюзия повторения пионерии и комсомолии как "помощника" старших.

Однако реактивный сценарий поведения в конфликтах, во-первых, лишает оппозицию возможности целенаправленной эксплуатации студенческих настроений. Во-вторых, повышает уровень ответственности формальных и неформальных лидеров за массовые акции, требуя учета социально-экономической неоднородности студенчества, обязательного радикализма, девиантного поведения и протестов против любой власти. В-третьих, если говорить об организации "политпросвета" среди студентов, то вся "политика" здесь может быть направлена на оформление (проговор) студенческих интересов, на организационно-совместную деятельность по выражению этих интересов в достойной образованного человека форме.

Образы образования

Ожидали ли авторы проекта реформ высшего образования именно такой реакции? Вопрос риторический, т.е. из того же ряда, что и требование к чиновникам знать социально-экономические нормативы "выживания" среднестатистического студента. Инцидент был и никому уже не интересен, потому что на молодых обрушивается новый проект по "борьбе" с наркоманией, т.е. с употреблением, а не с распространением зелья. Весеннее наступление государства на молодежь продолжается.

“Конечно, быть жестким — просто. Быть умным — сложнее. Жесткой и умной властью в России одновременно, видимо, не суждено увидеть” (Г.Каковкин.-Известия, 16.04.).

“Очевидны и подводные камни разгосударствления университетов, институтов и академий. Вузы — это прежде всего некоммерческие организации.” (В.Романов, ректор С-Петербургского госуниверситета технологий и дизайна.-Трибуна, 17.04.)

“Центральная пресса дружно хоронит Росселя как политика. В его хозяйстве случился скандал — но корни и причины скандала тянутся далеко за пределы Свердловской области. В поднявшемся шуме есть большой и весомый плюс. Если бы митинг тихо и мирно закончился беседой властей с народом у Дворца молодежи, о нем бы быстро забыли. А после белодомовского мордобоя все пристально смотрят на вузы. Возможно, теперь им станут помогать намного больше. Возможно, теперь реформа уж точно пройдет” (М.Коновалова.- На смену! 18.04.)

“Рассмотрение проекта реформы высшего образования, отклоненного Государственной Думой, перенесено на июнь... Напоследок дельное предложение к губернатору прозвучало из уст председателя профкома студентов УрГУ Хасана Сугаипова: создать при губернаторе постоянно действующий совет студенчества и молодежи” (М.Черепанов.-На смену! 21.04.)

Констатация седьмая: трудности “воспитательной” (социальной) работы в вузе — это конфликты, обнаруживающие проблему образа образованного человека XXI-го века.

Резюмируя высказанные размышления, следует самокритично отнестись к позиции “конфликтолога”, берущегося раз-мысливать и управлять студенческими конфликтами. Такая позиция внятна, рациональна и компетентна, если:

- предполагает безусловную защиту студенчества, поскольку их конфликты вскрывают прошлые (“взрослые”) проблемы сегодня, открывая тем самым возможности новому (и будущему);

Между тем, проблема высшего образования, будучи, если быть трезвым, проблемой национальной безопасности, вновь обостряет конфликт прагматической и социальной политических стратегий. Этот конфликт решает две основные проблемы, взаимосвязанные между собой: первая связана с приватизацией вузов, путями и способами ее реализации; вторая — с качеством образования. Образом человека XXI-го века, способного вывести страну на соответствующий ее истории и надеждам уровень экономического и культурного благосостояния.

Первая проблема — это безусловно победа “соцзаказа” над “госзаказом”. Логика вроде бы требует адекватности выпускаемых специалистов — их количества — потребностям государственных отраслей (того же образования, сферы управления, промышленных отраслей, “оборонки”, армии и т.д.). С другой стороны, возможен и “соцзаказ” частных фирм, компаний, сервисных структур на специалистов (лишь бы платили). Однако, общая нестабильность особенно в сфере частного бизнеса и предпринимательства, проблематизирует возможности социального заказа. Да и государство, судя по всему, не знает собственных потребностей в специалистах (по приоритетным отраслям), не говоря уже о научно-обоснованном прогнозировании финансирования всей социальной сферы, включая нормативы выплат стипендий, пособий и расходов на высшее образование. В особенности — на гуманитарное. Здравый смысл подсказывает: не приватизация, а гибкое финансирование из разных источников — вполне возможный путь, когда деньги поступают от нескольких учредителей. Например, университет финансируется Минобразованием и местной администрацией, а также юридическими лицами — фирмами, банками, компаниями...

Вторая проблема — качество образования, образ социально адаптированного специалиста (раньше говорили “воспитанного”), способного..., впрочем, здесь вообще начинается область утопическая и фантазийная, поскольку студенческая молодежь оказывается “повешенной” между этим государством и этим обществом, сплавляя в своих представлениях самые разнородные образцы поведения и образы жизни. Говоря конфликтологически, сегодня в вузах необходима социальная работа, ориентированная на поддержку и мобилизацию собственных ресурсов (включая технологии кризисного вмешательства) у наиболее незащищенных студентов. Причем в форме клубных организаций, управляемых профсоюзными лидерами.

- учитывает студенческие ценности и неизбежность борьбы за их представления о себе, о собственном будущем;
  - заранее “просчитывает” представительскую надежность в глазах студенчества властных фигур, способных придать “правильную” форму их слабоартикулируемым интересам;
  - открывает перспективу, мотивирует и “манит” будущим — статусами, профессией, независимостью и т.п.;
  - считается с возможностями неадекватного понимания, разнородностью студенческой массы, с реактивным характером ее поведения;
  - удерживает себя в роли исследователя студенческого “соционевроза”, фиксируя его характеристики в студенческой лексике, репертуарах, оценках;
  - сохраняет уверенность в том, что сами по себе студенты не выдвигают политических требований (вне ангажемента);
  - делает акцент на социальной (клубной) форме студенческого самоуправления, способной решать их проблемы (в том числе и социальной адаптации).
-